

Дуэт превратился в соло

Татьяна Васильева затмила Владимира Спивакова

КОММЕРСАНТ. - 2005. - 7 ФЕВРАЛЯ. - С. 21

фестиваль классика

В Светлановском зале Московского дома музыки концертом Национального филармонического оркестра России с финским дирижером Окко Каму за пультом завершился монофестиваль «Иоганнес Брамс». Президент Дома музыки Владимир Спиваков на пару с виолончелисткой Татьяной Васильевой сыграл Концерт Брамса для скрипки и виолончели с оркестром. Рассказывает ВАРЯ ТУРОВА.

Вообще-то говоря, логичнее было бы, если бы на закрытии сыграли главный опус Брамса, его скрипичный концерт, и, скажем, хитовую симфонию — Четвертую. Но авторы фестиваля поставили в программудвойной концерт, гораздо менее сложный технически и значительно менее душераздирающий, и самую

жизнерадостную, Вторую, симфонию. Мотивы подобной концепции неизвестны, наверняка их можно найти немало, как, например, немало можно обнаружить и достоинств — к примеру, дивную (если не считать валторновых киксов) игру НФОР под умным и внимательным руководством господина Каму. Но факт есть факт: что за фестиваль Брамса без его центральных сочинений?

За время фестиваля случилось удивительно много изменений в программе, составе, да и вообще отмен. Заключительный концерт не стал исключением — вместе с господином Спиваковым должен был играть известный виолончелист Марио Брунелло. В последний момент маэстро Брунелло был заменен молодой виолончелисткой Татьяной Василье-

вой, и нельзя не признать, что эта замена стала, возможно, наиболее удачной находкой организаторов фестиваля. Имя виолончелистки постепенно начинают узнавать: именно Татьяна Васильева открывала нынешний сезон Дома музыки блестящим исполнением Первого концерта Шостаковича. Перечислять не свойственные ее возрасту регалии можно долго, однако вполне достаточно, к примеру, того факта, что один из самых сложных конкурсов в мире, мюнхенский ARD, покорился виолончелистке, когда ей было лишь семнадцать. Но блестящая техника в игре Татьяны Васильевой не главное, хотя, конечно, это первое, что привлекает слух. Когда смотришь на нее, кажется, что сидишь не на концерте, а в кино — только там бывают такие моло-

дые, стройные, грустные и прекрасные виолончелистки. Добавьте к этому исключительную исполнительскую порядочность, честность: ни одной ноты впустую, ни одной проходной интонации, ничего неважного, ничего приблизительного, все обдуманно, все обоснованно. Да еще вообразите, что одновременно с этой холодноватой принципиальностью она умудряется быть еще и подкупающе искренней, трогательной и эмоциональной. Если у вас получится представить себе это почти невероятное сочетание достоинств, вы поймете, отчего игра Владимира Спивакова, партнера Татьяны Васильевой по ансамблю в этот вечер, не могла вызвать ничего, кроме досады. Считаете, что разительный контраст между виолончелью и скрипкой

еще не аргумент? Пожалуйста, могу назвать еще парочку: все быстрые, гаммообразные или арпеджио, пассажи у господина Спивакова звучали крайне неловко, неграциозно, неритмично и с замедлением темпа. Его Piano категорически не пробило зал, а Forte звучало резко и порой даже истерично. Маэстро слишком сильно выделял все верхние ноты, полагая, видимо, что чем сильнее на них вибрировать, тем будет красивее. В Финале концерта все повторяющиеся ноты Темы были сыграны им очень торопливо, неритмично, из-за чего каждое проведение этой самой Темы в его версии оказывалось угрозой для ансамбля: чувствовалось, что исполнители вот-вот разойдутся.

Возможно, будь рядом с господином Спиваковым какой-

нибудь другой виолончелист, недостатки скрипичной игры не казались бы такими обидными. Но делая протекцию Татьяне Васильевой, всячески поддерживая молодую солистку и приглашая ее музицировать вместе, Владимир Теодорович, очевидно, не рассчитал собственных исполнительских сил. Впрочем, если предположить, что это было сделано осознанно, то станет ясно, зачем господину Спивакову была нужна госпожа Васильева. Чтобы отвлечь внимание публики от собственной, давайте уж откровенно, не лучшей формы. Такая способность слышать себя со стороны, осознавать собственные недостатки и знать себе цену совсем не свойственна звездам. И, вне всякого сомнения, делает маэстро честь.